

С. Е. ЯХОНТОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ УПОМИНАНИЯ НАЗВАНИЯ
«КИРГИЗ» *

Древнейшими тюркоязычными источниками, в которых упоминается этноним *киргиз*, являются памятники рунической письменности. Слово *киргиз* неоднократно встречается в орхонских надписях начала VIII в. Оно имеет в них форму *qirgiz* (пишется *qirqz*). К несколько более раннему времени относится греческая запись того же слова — *Chérkis*¹.

Однако еще раньше мы встречаем тот же этноним в китайских исторических сочинениях. В разное время он записывался по-разному: (1) *гэгунь* (*гэкунь*), (2) *гяньгунь* (*гянькунь*), (3) *кигу*, (4) *гегу*, (5) *хэгусы*, (6) *хягясы*². Правда, существует мнение, что последняя из этих форм — (6) *хягясы* — обозначает другое слово (произношение которого реконструируется как *хакас*) и имеет иное значение, чем остальные. Однако в китайских источниках все перечисленные формы рассматриваются как названия одного и того же народа (или государства).

Название (1) *гэгунь* приводит Сыма Цянь в связи с событиями, происходившими в первые годы династии Хань, т. е. примерно в 200 г. до н. э. (точная дата не указана)³. Форма (2) *гяньгунь* появляется в 49 г. до н. э.⁴, (3) *кигу* — в 553 г. или несколько позже, (4) *гегу* — в 638 г. (везде имеется в виду дата описываемого события, а не время составления текста, в котором упомянута соответствующая форма)⁵.

Народу (6) *хягясы* отведен специальный раздел в главе 2176 «Новой истории Тан»⁶. Название *хягясы* отождествлено здесь с *гяньгунь* и *гегу*, причем о формах *хягясы* и *гегу* говорится как об «ошибочных». Форма *хягясы* появилась между 758 и 843 гг. В книге „Изложение сведений о варварах четырех стран света“ («Сы и шу»), составленной Цзя Данем, были полностью приведены все наименования хягясы. После этого стало ясно, что действительное положение в диких странах Цзя Дань

* Обсуждение этой проблемы было начато в журнале «Сов. этнография» статьи К. И. Петрова «К этимологии термина „кыргыз“» и Н. А. Баскакова «К вопросу о происхождении этнонима „кыргыз“» (1964, № 2).

¹ Менандр Протектор, История. В кн.: С. Дестунис, Византийские историки, СПб., 1860, стр. 379—380.

² Здесь и ниже китайские формы, представляющие собой фонетическую запись иноязычных слов, приводятся в русской транскрипции начала XIX в.; в настоящее время перед *е, и, ю, я* вместо прежних *г, к, х* принято писать *цз, ц, с* (*сяцзясы* вместо *хягясы* и т. п.). Иероглифическое написание китайских слов см. в конце статьи.

³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.—Л., 1950, стр. 50 (здесь и ниже во всех случаях, когда китайский текст переведен Н. Я. Бичуриным, дается ссылка на перевод, а не на оригинальный текст).

⁴ В 648 г. эта форма вводится вновь (Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 355).

⁵ Там же, стр. 91, 229, 287. Вместо *кигу* Н. Я. Бичурин пишет *цигу*; это слово фигурирует также в легенде о происхождении тюрков (там же, стр. 222).

⁶ Там же, стр. 350—357.

знал точно и безошибочно»⁷. Судя по этому рассказу, форма *хягасы* впервые упомянута в написанной в 801 г.⁸ книге Цзя Дая, одного из крупнейших географов Китая.

Согласно тому же «Тан хуйяо», в годы Кайюань (713—741 гг.) губернатор пограничного округа Аньси (на территории нынешнего Синьцзяна) Гай Цзя-юнь писал в книге «Записки о Западном крае» («Сиюй цзи»), что «государство Гяньгунь... ныне некоторые измененно называют Хэгусы». Это название далее отождествляется с этнонимом (7) *хэгу*, мимоходом упоминаемым при перечислении почти сорока племен в разделе о телэ «Истории Суй» и «Истории Северных династий»⁹. Таким образом, форма (5) *хэгусы* впервые зарегистрирована в первой половине VIII в.

Среди перечисленных китайских названий наиболее обычными являются (2) *гяньгунь*, (4) *гегу* и (6) *хягасы*. Везде, где эти наименования выступают в пределах одного и того же текста (как в уже упоминавшемся разделе о хягасы в «Новой истории Тан» или в разделе о гегу в «Тан хуйяо»), они определенно считаются равнозначными, и это специально оговаривается. Только в текстах компилятивного характера, включающих ряд отрывочных заметок различного происхождения, эти названия могут употребляться параллельно, не будучи отождествляемыми. Так, в разделе о хусюэ из главы 2176 «Новой истории Тан», где перечисляется около десяти разных народов, об одном из них говорится, что он часто воюет с гегу, а о другом — что он соседствует с хягасы¹⁰.

Все рассмотренные китайские слова представляют собой транскрипцию (т. е. фонетическую запись средствами китайской письменности) самоназвания народа, о котором идет речь. Сомнения может вызвать только форма (6) *хягасы*; в китайских источниках встречается утверждение, что это уйгурское слово с собственным значением. В «Тан хуйяо» говорится по этому поводу следующее: «Спрашивали у переводчиков, и те сказали, что (8) *хягя* имеет значение «желтая голова, красное лицо». Видимо, уйгуры называют их так. Но ныне посол говорит, что они сами имеют это название. Не знаю, что правильно»¹¹. По-видимому, название народа хягасы ассоциировалось у переводчиков с уйгурским словом *qīgū ~ qīzū* 'розовый, румяный'¹². Но из текста отнюдь не следует, что их мнение было правильно; разумнее верить тому, что утверждал сам хягасский посол¹³.

Вопрос о том, как звучали оригинальные (некитайские) слова, лежащие в основе китайских транскрипций, не может решаться без обращения к древнему чтению китайских иероглифов. Никакие отождествления, сделанные без учета исторической фонетики китайского языка, не имеют доказательной силы.

⁷ Ван Пу, Тан хуйяо («Собрание важнейших сведений о династии Тан»), Пекин, 1955, т. III, гл. 100, стр. 1785. Ср. Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 56 (Н. В. Кюнер переводит тот же текст по другому источнику), а также Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 356 (где приводится менее подробный рассказ о том же посольстве).

⁸ «Цзю Тан шу» («Старая история Тан»), гл. 138. В сер. «Соинь байна бэнь эрши сы ши» («Уменьшенное воспроизведение сводного текста 24 историй»), т. 12, стр. 14947 (1047).

⁹ Ван Пу, Указ. раб., гл. 100, стр. 1785.

¹⁰ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 350 (в переводе Н. Я. Бичурина в обоих случаях употреблено слово *хягасы*).

¹¹ Ван Пу, Указ. раб., гл. 100, стр. 1785.

¹² Ср. «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 446 и 450.

¹³ Здесь не рассматривается вопрос об этимологии самого слова *кыргыз*, которое иногда производят от *qīgū* (К. И. Петров, Указ. раб., стр. 81 и сл.; Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 92—93). Речь идет только о том, является ли *хягасы* самоназванием народа или прозвищем, данным ему уйгурами.

Есть несколько систем реконструкций китайской фонетики VI—VII вв., но во всем существенном они согласуются между собой. Ниже приводится древнее чтение иероглифов, составляющих китайские транскрипции, в соответствии с реконструкциями Б. Карлгрена¹⁴.

Китайское слово	Древнее чтение
(1) гэгунь, гэкунь	kek kuən
(2) гяньгунь, гянькунь	kien kuən
(3) кигу	khiet kuət ¹⁵
(7) хэгу	γət kuət
(4) гегу	kiet kuət
(5) хягусы	γət kuət sie
(6) хягясы	γət kät sie

Некоторые из этих реконструкций требуют комментариев.

Иероглиф 9 в древности читался двояко: liek и kek, иероглиф 10 — только как kek. Поскольку оба написания представляют собой лишь графические варианты одной и той же транскрипции, иероглифы в обоих вариантах должны читаться одинаково. Заметим еще, что если иероглиф читается двояко и в одном из чтений обозначает имя собственное или географическое название, то обычно это же чтение он имеет и тогда, когда используется для транскрипции иностранных слов. Иероглиф 9 в чтении kek означает название уезда, а также фамилию, поэтому в составе транскрипций он должен читаться kek.

Иероглиф 11 в словаре «Гуан юнь» читается γət, γuət, γiet. Указано, что γət — это имя отца Конфуция; в этом же чтении иероглиф входит в состав трех «варварских» (т. е. некитайских) фамилий. В соответствии со сказанным выше можно предположить, что именно это чтение, связанное с именами собственными, использовалось в составе транскрипций.

Иероглиф 12 в словаре «Гуан юнь» читается kuət, γuət, kiət, kâi, и во всех чтениях он имеет одно и то же значение. Но ключевые словари (например, «Канси цзыдянь») на первом месте дают разрезание, соответствующее чтению kuət.

Для иероглифа 13 словарь «Гуан юнь» также указывает несколько чтений: khiei, khiet, khiet. К последнему дано пояснение: «Кидань, название варварского народа; взято из словаря „Цзы линь“». Естественно предположить, что иероглиф 13 во всех случаях, когда он употребляется для транскрипции иностранных слов, читался одинаково. Однако по причинам, которые будут изложены несколько ниже, чтение khiet для первого иероглифа в слове *кигу* маловероятно; выбрано было ближайшее к нему чтение khiet.

Чтение иероглифа 14 Б. Карлгрен реконструирует как kät, а иероглифа 15 — как γät¹⁶. У этих двух слогов оказываются неодинаковые гласные; между тем оба иероглифа входят в одну и ту же рифму «Гуан юня» — 14-ю рифму тона «жу». Этой рифме в системе реконструкций Б. Карлгрена должна соответствовать финаль-at; итак, иероглиф 14

¹⁴ В. Karlgren, *Grammata Serica*, Stockholm, 1940. Некоторые малоупотребительные иероглифы не вошли в исследование Б. Карлгрена. Чтение их устанавливается по китайским словарям, где оно обозначено способом «разрезания»: к иероглифу подбираются два других так, чтобы первый из них читался с тем же начальным согласным, а второй — с той же конечной частью, что и исходный («разрезаемый») иероглиф. Зная реконструкцию чтения двух иероглифов, употребленных для «разрезания» третьего, мы можем сложить из них чтение этого третьего иероглифа. «Разрезания», представленные в старейшем из дошедших до нас фонетических словарей — «Гуан юне», восходят к VI—VII вв.

¹⁵ По соображениям технического характера придыхание здесь и ниже обозначается буквой *h*, а не апострофом, как у Б. Карлгрена.

¹⁶ В. Karlgren, *Указ. раб.*, р. 254, 226.

следовало бы читать *kat*. Однако, как показал Дун Тун-хэ, гласный 14-й рифмы восстановлен Б. Карлгреном неверно (ошибка кроется в самих китайских источниках, на которые он опирался,— 14-ю и 15-ю рифмы тона «жу» следует поменять местами)¹⁷. С учетом поправки Дун Тун-хэ финаль 14-й рифмы тона «жу» должна быть *-ät*, а финаль 15-й рифмы — *-at* (у Б. Карлгрена — наоборот). Поэтому слоги 14-й рифмы и транскрибируются выше как *үät* и *kat*.

Какие же иноязычные звуки могли изображаться с помощью перечисленных китайских транскрипций?

Начнем с того, что неопределенным гласным *ə* в сочетаниях *иэп*, *-иэт* можно пренебречь. В китайском языке VI—VII вв. гласный *и* не мог непосредственно сочетаться с конечными *-n* и *-t*, т. е. не было сочетаний *-ип*, *-ит*, и их заменяли *-иэп*, *-иэт*.

Далее, китайский *k* в транскрипциях служил регулярным соответствием тюркского *q*; тюркский *k* передавался сочетаниями *ki*-, *kj*-. В санскритских словах звуки *k*, *kh* также всегда передавались сочетаниями *ki*-, *kj*- и *khi*-, *khj*-; твердых (не йотированных) начальных *k* и *kh* в китайских транскрипциях санскритских слов практически вообще нет¹⁸. Таким образом, встречая в составе транскрипции твердый *k*, мы можем предполагать, во-первых, что слово, изображаемое этой транскрипцией, принадлежит языку алтайского типа; во-вторых, что слово это содержит гласные заднего ряда, поскольку в алтайских языках только такие гласные сочетаются с *q*. Во всех интересующих нас транскрипциях заднеязычные согласные твердые (это относится и к слогам *kién*, *kiet*, *khiet*); следовательно, исходные слова имели гласные заднего ряда. Есть, правда, один сомнительный случай — *кигу*. Иероглиф 13, как упоминалось выше, имеет чтение *khiet* в слове *кидань*. Поскольку, однако, второй слог слова *кигу* имеет твердый согласный, то и для иероглифа 13 в этом слове было выше выбрано чтение с твердым начальным *kh* (иначе пришлось бы предположить, что в этом слове отсутствует гармония гласных).

Формы (2) *kién* *киэп* (*гяньгунь*) и (4) *kiet* *киэт* (*гегу*) очень близки между собой, отличаясь только конечным согласным в обоих слогах. Несмотря на это различие, обе китайские транскрипции могут отражать одну и ту же исходную форму. Хорошо известно, что конечный *-r* иностранных слов в эпоху Хань китайцы передавали своим конечным *-n*, а в эпоху Тан — конечным *-t*¹⁹. Поэтому возможно, что в слове, изображаемом китайскими транскрипциями *гяньгунь* и *гегу*, оба слога кончались звуком *-r*.

Поскольку первый слог обеих транскрипций начинается твердым *k*, в исходном слове он должен был иметь начальный *q* и гласный заднего ряда. Этим гласным явно не мог быть *a*; скорее всего это был *i*. В целом слово, лежавшее в основе китайских *гяньгунь* и *гегу*, может быть восстановлено как *qīg qig*.

То, что в первом слоге слова, изображаемого китайским *гяньгунь*, должен быть восстановлен именно *-r*, а не *-n*, можно утверждать довольно определенно. Во-первых, в середине слова маловероятно сочетание *-пq-* (с переднеязычным, а не заднеязычным носовым). Во-вторых, показательна несколько более ранняя форма (1) *гэгунь*. Если взять реконструкции Б. Карлгрена, относящиеся не к VI—VII вв. н. э., а к I тысячелетию до н. э., то иероглиф 9 должен читаться *klék*²⁰, что

¹⁷ Дун - Тун - хэ, Шангу иньюнь бяо гао (Опыт фонетических таблиц древнекитайского языка), «Лиши юйянь яньзюсю цзикань» («Бюллетень Ин-та истории и филологии»), № 18, Шанхай, 1948, стр. 95—96.

¹⁸ С. Е. Яхонтов, рецензия на: В. Csongor, Chinese in the Uighur script of the Tang-period, «Советское востоковедение», 1956, № 2, стр. 191.

¹⁹ F. Hirth, Chinese equivalents of the letter «R» in foreign names, «Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society», vol. XXI, 1886, p. 214—223.

²⁰ В. Карлген, Указ. раб., p. 351.

могло бы обозначать qḡiḡ. Очевидно, китайские (1) *гэгунь* и (2) *гяньгунь* отражают одно и то же слово, но с метатезой *ī* и *r* (qḡiḡ qur и qīḡ qur).

Что касается конечного согласного второго слога, то в нем мы не можем быть вполне уверены. Не исключено, что (1) *гэгунь* и (2) *гяньгунь* транскрибируют слово с конечным *-n* (а не *-r*), т. е. qḡiḡ qun, qīḡ qun. Таким же образом и (4) *гегу* может отражать исходное qīḡ qut — с конечным *-t*.

Не исключено даже, что (4) *гегу* (kiet kuət) означает исходную форму qīḡ quz. По-видимому, в единичных случаях китайский конечный *-t* мог передавать иноязычный *-z*; ср. (16) *аде*, К. *ā dhiet* = *ädiz*²¹.

Напомню еще, что китайский язык не различает *r* и *l*, поэтому везде, где мы восстанавливаем *r*, теоретически возможно предполагать и *l*. Это относится и ко всем транскрипциям, которые будут рассмотрены ниже; мы не будем оговаривать это каждый раз особо.

Форма (3) *кигу*, К. *khiet kuət*, если мы правильно выбрали чтение первого иероглифа, отличается от (4) *гегу* только наличием придыхания у первого согласного. Возможно, что это указывает на звук, более близкий к *x*, чем к *q*; ср. *kh* в транскрипции названия хазар — (17) *кэса*, К. *kha sat*. И так, *кигу* может обозначать *xīḡ qur* или *xīḡ qut*.

Третья форма, относящаяся приблизительно к тому же времени, что (3) *кигу* и (4) *гегу* — это (7) *хэгу*, К. *ḡət kuət*. Гласный *ə*, несомненно, изображает *ī*; что касается *ḡ*, то ему, скорее всего, соответствовал тот же звук оригинала. Однако есть ряд примеров, в которых начальный *ḡ* китайской транскрипции соответствует отсутствию начального согласного в тюркском (это — особенность именно транскрипций тюркских слов; при записи звуков других языков указанное соответствие не наблюдается). Ср., например, (18) *хэ*, К. *ḡ ar* = *alp*, (19) *хойхэ*, К. *ḡuāi ḡət* = *uḡur*. Таким образом, первый слог формы *хэгу*, вероятно, обозначает *ḡiḡ*, но не исключено и *iḡ*.

Прежде чем перейти к последующим двум транскрипциям, надо отметить, что где-то около 700 г. (или, может быть, несколько позже — в первых десятилетиях VIII в.) в китайском произношении произошли серьезные изменения; речь идет, по-видимому, не о естественных и постепенных изменениях внутри одной формы языка, а о смене господствующего диалекта²². Среди этих изменений наиболее существенно для нас начало оглушения звонких согласных: после 700 г. глухие и звонкие согласные (особенно щелевые) в транскрипциях иностранных слов начинают смешиваться.

Иероглиф 20 *сы*, К. *sie* в конце двух последних транскрипций (*хэгусы* и *хягсы*) мог обозначать согласный *s*, а также *z*, поскольку звонкие и глухие различались нечетко. Впрочем, еще до 700 г. тот же иероглиф передавал *z* в имени *Пируз*: (21) *бэйлусы*²³, К. *pje luo sie*.

Начальный *ḡ* первого слога обеих транскрипций, как мы уже знаем, мог изображать исходный *ḡ*, но не исключено также, что он соответствовал гласному началу слова. Кроме того, в соответствии с тем, что было сказано выше о звонких и глухих согласных, этот *ḡ* в VIII—IX вв. мог обозначать и *x*.

Некоторых дополнительных (и довольно сложных) объяснений требует конечный *-t* второго слога обеих транскрипций.

²¹ Здесь и ниже приводятся без ссылки на источник китайские транскрипции, вошедшие в указатели к книге Н. Я. Бичурина (Указ. раб., III, 1953, стр. 160—307), а также наиболее широко распространенные транскрипции буддийских терминов. Буква К означает реконструкции произношения VI—VII вв. по Б. Карлгрену; знак = после реконструкции вводит предполагаемую исходную форму.

²² С. Е. Яхонтов, Указ. раб., стр. 194.

²³ У. Н. Я. Бичурина — *Билус*.

Мы уже знаем, что конечный согласный, который Б. Карлгрен восстанавливает как *-t*, в эпоху Тан мог в транскрипциях обозначать конечный *-r*. К этому надо добавить, что по крайней мере с VIII в. наблюдается и обратное явление: в китайских словах, записанных средствами алфавитной письменности (например, тибетской или уйгурской), китайский *-t* почти всегда передается через *-r*. По-видимому, он действительно произносился близко к *r*. А. Масперо предполагает, что все носовые конечные согласные китайского языка — *p*, *t*, *k* — в VIII в. представляли собой звонкие спиранты, которые, однако, были очень неустойчивы и на стыке слогов легко видоизменялись под влиянием начального согласного следующего слога²⁴.

По-видимому, конечный носовой согласный полностью ассимилировался (или просто выпадал), если он оказывался перед согласным того же места образования, начинающим следующий слог (как видно из примеров, приводимых ниже, это наблюдалось не только в VIII в., но и значительно раньше). В составе транскрипций конечный носовой в этих условиях не имеет самостоятельного фонетического значения, т. е. ему не соответствует никакой звук в исходной форме. Возможно, что употребление в транскрипции слога с конечным согласным указывает в таких случаях краткость предшествующего гласного; но сам согласный в указанных условиях во всяком случае можно игнорировать. В частности, конечный *-t* ассимилируется (или выпадает) не только перед *t* или *l*, но и перед *s* и даже *i*, например:

(22) *дада*, К. dhāt tát = tatar

(23) *гулигань*, К. kuət lji kân = qurīqan

(24) *фасунаньду*, К. bhi^wət suo bhuan dhuo = Vasubandhu²⁵

(25) *хэса*, К. γāt sāt = xazar²⁶

(26) *баегу*, К. bhuāt ia kuo = bajīrqu²⁷.

Для *-p* и *-k* трудно найти примеры, ясно показывающие, что эти согласные подвергались аналогичной ассимиляции. Однако *-p* явно не произносится перед *t*, например:

(28) *самогань*, К. sâp muât kīp = Samarkand²⁸.

Аналогичным примером с *-k* может послужить (29) *дэ'и*, К. tək ŋji — название какого-то большого озера или моря на запад от Китая²⁹; транскрипция эта передает звуки tã' ŋi и может быть отождествлена с тюркским tãŋiz 'озеро, море' (конечный согласный в китайской записи опущен).

Конечные согласные перед начальными, отличавшимися от них по месту образования, сохраняют в транскрипциях самостоятельное

²⁴ Н. Масперо, Le dialecte de Tch'ang-ngan sous les T'ang, «Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient», t. XX, № 2, 1920, p. 41—44.

²⁵ Сюань Цзан, Бянь Цзи, Да Тан Си юй цзи («Записки о Западном крае великого государства Тан»), Пекин, 1955, гл. 5, стр. 10а.

²⁶ Хазары трижды упоминаются в гл. 2216 «Новой истории Тан» — в первый раз под именем (25) *хэса* (у Н. Я. Бичурина *гэса*) при определении местоположения Хосюнь (Хорезма) и затем под названием (17) *кэса*, К. khā sāt в разделах о Босы (Иране) и Фулинь (Византии). Исходная форма в обоих случаях одинакова независимо от наличия или отсутствия *-t* в конце первого слога китайской транскрипции.

²⁷ Для иероглифа 27 выбрано чтение, которое он имеет, обозначая географическое название.

²⁸ Сюань Цзан, Бянь Цзи, Указ. раб., гл. 1, стр. 10б.

²⁹ «Суй шу» («История Суй»), гл. 84. В сер. «Уменьшенное воспроизведение сводного текста 24 историй», т. 9, стр. 11718 (840). Иероглиф 30 имеет чтения ŋiək и ŋji; выбрано второе, так как в этом чтении иероглиф входит в состав китайского географического названия.

значение, например:

- (31) *дагань*, К. dhāt kân=tarqan
- (32) *гемо*, К. kiüt muâ=karma
- (33) *шэху*, К. iār yuo=jabyu
- (34) *иологэ*, К. iak lâ kât=jaylaqar.

В транскрипциях (5) *хэгусы* и (6) *хягясы* и первый, и второй слоги кончались согласным *-t*. Однако во втором слоге он ассимилировался следующему *s*; в исходной форме в этом месте не было согласного. В первом слоге *-t* находился перед *k* и, следовательно, отражал какой-то согласный оригинала — скорее всего *-r*.

Гласные звуки в слове (5) *хэгусы* не вызывают сомнений; это те же гласные, что и в более раннем (7) *хэгу*, и они имеют то же транскрипционное значение. Таким образом, *хэгусы* отражает исходную форму *yīg qu' s* или *xīg qu' s*; менее вероятно, но возможно также *ig qu' s*.

В (6) *хягясы*, К. yāt kat sie, гласные в двух первых слогах одинаковы — *ā*.

В китайском языке VI—VII вв. было два широких нелабиализованных гласных — более задний *ā* и более передний *a*. Оба, по мнению Б. Карлгрена, первоначально могли быть долгими и краткими; но в VIII в. во всяком случае они уже не различались по длительности. Звук *a* иноязычных слов всегда передавался через *ā*, за исключением случаев, когда начальный согласный перед ним вообще не сочетался с *ā*. В следующих примерах *a* после *q*, *y* в тюркских словах передается китайским *ā*:

- (35) *кэхань*, К. khā yān=qayan
- (36) *гань*, К. kām=qam
- (31) *дагань*, К. dhāt kân=tarqan
- (37) *гэлолу*, К. kâ lâ luk=qarluq

Более передний *a* обычно встречается в транскрипциях только в сочетании с промежуточным *i* или вслед за такими согласными, после которых невозможен *ā*. В этих случаях он передает звуки *a*, *ā*, изредка *ī* (в слове (26) *баегу*, К. bhuāt ia kuo=bajīgqu). В других условиях передний *a* практически не встречается вообще, за исключением названия (6) *хягясы*. В этом последнем он не может передавать тюркский *a*, поскольку, как мы видели, этот звук после *q* и *y* всегда передается китайским задним *ā*. Так как в слове, изображаемом китайским *хягясы*, должны быть гласные заднего ряда, то остается предположить, что *ā* передает *ī*. Итак, форма *хягясы* отражает исходное *yīg qī' s* или *xīg qī' s*, менее вероятно — *ig qī' s*.

Теперь мы можем обобщить полученные результаты и указать для каждой китайской транскрипции предполагаемый оригинал. Мы будем различать формы наиболее вероятные и маловероятные, но теоретически возможные. Выбирая наиболее вероятную форму, мы учитываем, во-первых, какие звуки передаются данным китайским звуком чаще всего и, во-вторых, какая форма находит подтверждение в других (более ранних или более поздних) формах записи того же слова.

Для краткости только наиболее вероятные исходные формы приводятся полностью; остальные возможные варианты указываются отдельно для первого и второго слога.

В этой таблице не указаны теоретические возможные формы с конечным *-l* (как уже упоминалось, китайский язык не различает в транскрипциях *r* и *l*).

	Китайское слово	Наиболее вероятная исходная форма	Другие возможные формы	
			1-й слог	2-й слог
(1)	гэгунь	qĕq qur		qur
(2)	гяньгунь	qĭr qur		qur
(3)	кигу	qĭr qur, xĭr qur		qut, quz
(7)	хэгу	γĭr qur	ĭr	qut, quz
(4)	гэгу	qĭr qur		qut, quz
(5)	хэгусы	xĭr qu' s, γĭr qu' s	ĭr	qu' z
(6)	хягясы	xĭr qĭ' s, γĭr qĭ' s	ĭr	qĭ' z

Полученные реконструкции не оставляют сомнений, что во всех случаях мы имеем дело с записями вариантов одного и того же слова.

Китайские источники дают и некоторые другие транскрипции этого слова, но они нигде не встречаются в текстах самостоятельно и приводятся лишь как видоизменения или искажения какой-то другой формы, принимаемой за основную. Никаких новых сведений эти варианты нам не дают. Исключением является только слово (38) *гюйву*, К. kĭ^{wo} miuət, которое упоминается как одно из названий *хягясы* в «Новой истории Тан»³⁰. Китайское сочетание -i^{wo} могло обозначать *й*, а в VIII—IX вв. — также *і*; форму в целом можно реконструировать как kĭmür, kĭvir, kĭvir (конечный согласный может быть также *l* или *t*). Очевидно, что это название этимологически не связано с остальными; речь идет либо об ошибочном отождествлении, либо о другом названии того же народа.

Форма xĭr qĭ' s, восстанавливаемая по китайской транскрипции (6) *хягясы*, наиболее близка к названию киргизов, известным по памятникам алфавитных письменностей — руническому qĭr qĭz и греческому Chérkis. В китайской и греческой передаче первый согласный слова отражен как звук типа *x* (хотя китайская транскрипция может указывать и на *γ*). Форма, представленная в тюркских рунических памятниках, правда, начинается на *q*, но этот *q* чаще всего записывается буквой $\triangleleft$, т. е. иначе, чем второй *q*, хотя оба находятся перед одним и тем же гласным *ĭ*; разница в написании может указывать на какие-то, пока не известные нам различия в произношении. Все более ранние китайские транскрипции отличаются от рунической и греческой форм тем, что показывают гласный *u*, а не *ĭ* во втором слоге. Конечный согласный, отражаемый более старыми транскрипциями, неясен; для эпохи Хань это может быть *r* или *n*, для VI—VII вв. — *r*, *t* или *z*.

Выше уже упоминалось, что исходную форму китайской транскрипции (6) *хягясы* иногда реконструируют как *хакас*³¹. Эта реконструкция не может быть принята. Во-первых, как уже было сказано, звук *a* других языков китайцы всегда передавали задним *á*, а не передним *a*. Во-вторых, остается неучтенным конечный *-t* в первом слоге, который, очевидно, передает звук *r*. Иностранцы конечные *r* и *l* китайцы иногда не передавали вообще; ср., например, транскрипцию (26) *баегу*, К. bhuat ia kuo для слова bajĭqur³². Но если в транскрипции присутствует *-t* (перед

³⁰ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. I, стр. 350.

³¹ Л. Р. Кызласов, Взаимоотношение терминов *хакас* и *кыргыз* в письменных источниках VI—XII веков, «Народы Азии и Африки», 1968, № 4, стр. 89. Л. Р. Кызласов считает, что этноним *хакас* сохранился в настоящее время в форме *хаас* как самоназвание одной из групп современных хакасов (Там же, стр. 92).

³² Как правило, в таких случаях можно найти и параллельную форму с *r(l)*, обозначенным через *-t*. Так, для bajĭqur имеется и другая транскрипция — (39) *баегу*, К. bhuat iat kuo. Чтение iat для второго иероглифа отсутствует в «Гуан юне», но дается более поздним «Цзи юнем» со ссылкой на географическое название. Современное чтение этого иероглифа тоже предполагает древнее iat.

заднеязычным или губным согласным), ему непременно должен был соответствовать какой-то согласный в оригинале³³.

По тем же самым причинам не может быть сближаема с китайским (6) *хягясы* современная форма *хаас*³⁴.

Основанием для прочтения *хягясы* как *хакас*, вероятно, послужила форма *хагас*, которой пользуется Н. Я. Бичурин. Но в действительности она представляет собой лишь искусственное упрощение китайского слова. Говоря о народе жуаньжуань, Н. Я. Бичурин замечает: «В переводе слово *Жуань-жуань*, для легкости в выговоре, сокращено в *Жужань*»³⁵. Такое же сокращение (но не оговоренное) представляет собой *хагас*³⁶.

Таким образом, форма (6) *хягясы* есть китайская транскрипция слова *кыркызы*; другие формы, к которым она приравнивается в китайских историях — (2) *гяньгунь*, (4) *гегу* и др. отражают фонетические варианты того же этнонима (например, *кыркур* или, может быть, *кыркун*, *кыркут*, *кыркуз*). Форма *хягясы* не может передавать звуки *хакас*.

Кыркуры-кыркызы на протяжении более тысячи лет сохраняли свое название и занимали приблизительно одну и ту же территорию; очевидно, они представляли собой довольно большой народ, говоривший на одном языке, а не случайное государственное образование, включившее разноплеменные элементы. Численность кыркызов в эпоху Тан составляла несколько сот тысяч человек³⁷, и они могли выставить 80 000 войска (для сравнения: хойху, т. е. уйгуры, имели 50 000 войска, кидани — 40 000, сеяньто — 200 000, гулигань — 5 000)³⁸.

Кыркызы эпохи Тан говорили на языке тюркской семьи; «письмо их и язык совершенно сходны с хойхускими», — читаем о хягясы в «Новой истории Тан»³⁹. Некоторые кыркызские слова, приводимые китайскими источниками, без сомнения тюркские. Таковы (41) *ай*, К. *·āj = aj* 'месяц', (36) *гань*, К. *kām = qam* 'шаман', (42) *су*, К. *suo = sol* 'левый'. К этому списку можно добавить (43) *ме*, К. *miet* — название рыбы, водящейся в стране кыркызов⁴⁰. Начиная с VIII в. китайцы часто передавали своими

³³ Э. Дж. Пуллиблэнк указывает на ряд транскрипций, в составе которых один согласный звук оригинала передается по-китайски целым слогом, кончающимся на носовой согласный (E. G. Pulleyblank, The Chinese name for the Turks, «Journal of the American Oriental Society», vol. 85, № 2, 1965, p. 121—125). Однако в нашем случае это объяснение явно не может быть применено: слогу *хя* не может соответствовать в оригинале один только согласный звук без следующего гласного. Независимо от этого следует отметить, что транскрипции, о которых говорит Э. Дж. Пуллиблэнк, представляют собой довольно редкий случай.

³⁴ Не исключено, что слово *хаас* связано с этнонимом *qaŋqas* из «Юань чао би ши» (С. А. Козин, Сокровенное сказание, т. I, М.—Л., 1941, стр. 174, 293). Может быть, тот же народ упоминается в «Новой истории Тан» среди трех племен «лыжных тугюэ» под названием (40) *гэ'эчжи*. К. *ka ŋa tsie* (что может указывать на исходную форму *qaŋqas* или *qaŋqas*); см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 354 (слог *гэ* отнесен Н. Я. Бичуриным к предыдущему слову).

³⁵ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 185, примеч. 2 (в китайском тексте формы *жуужань* нет; действительное название народа — *жеужань*, в современной транскрипции *жоужань*).

³⁶ Н. В. Кюнер не прав, когда говорит, что *хагас* Иакинфа Бичурина есть «старинное чтение китайских иероглифов» (Н. В. Кюнер, Указ. раб., стр. 25). Во времена Н. Я. Бичурина прежнее чтение иероглифов еще не было известно даже приблизительно.

³⁷ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 351. Н. Я. Бичурин полагает, что речь идет о числе семейств; однако в «Собрании важнейших сведений о династии Тан» (гл. 100, стр. 1784) те же цифры приведены как число «ртов». В тексте, переведенном Н. Я. Бичуриным, речь идет о хягясы, в «Тан хуйяо» — о гегу, но численность населения и войска указана одинаковая.

³⁸ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 302, 362, 340, 348.

³⁹ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 353.

⁴⁰ «Синь Тан шу» («Новая история Тан»), гл. 217б. В сер. «Уменьшенное воспроизведение сводного текста 24 историй», т. 13, стр. 16945 (1531). Н. Я. Бичурин переводит это место неточно (ср. Н. В. Кюнер, Указ. раб., стр. 59); должно быть: «Из рыб есть *ме*, семи-восьми футов длиною, и *мохынь*, без костей, со ртом ниже челюстей». Вторую рыбу можно вслед за Н. Я. Бичуриным отождествить с осетром.

高昆 (隔昆) 堅昆 契骨 結骨 紇圻斯

1 2 3 4 5

黠戛斯 紇骨 黠戛 隔 紇圻 契戛 黠

6 7 8 9 10 11 12 13 14 15

阿跌 可薩 合 回紇 斯 卑路斯 達韃

16 17 18 19 20 21 22

骨利幹 伐蘇 畔度 曷薩 拔野古 拔

23 24 25 26 27

颯 赫建 得 疑 疑 達干 羯摩 葉護

28 29 30 31 32 33

藥羅葛 可汗 甘 哥邏祿 勿 拔曳固

34 35 36 37 38 39

哥 餓 支 哀 素 蔑 迦 沙 阿 熱 移 涅

40 41 42 43 44 45 46

начальными носовыми звонкие неносовые других языков; поэтому слог *miet* может обозначать *bäl* 'таймень'—слово, существующее в тувинском, алтайском и (в другой фонетической форме) хакасском языках.

Среди слов, имеющих другую (не тюркскую) этимологию, наиболее убедительно объяснено (44) *гыша*, К. *ka ša* 'железо', происходящее из самодийских языков⁴¹. Слово это относится к области культуры и легко могло быть заимствовано (так же, как оно было заимствовано киданями)⁴², поэтому наличие его у кыргызов не противоречит утверждению, что они были тюрками по языку.

Вопрос о происхождении титула кыргызского государя — (45) *ажэ*, К. *â nziät* — не может считаться окончательно решенным. В китайских транскрипциях санскритских слов до начала VIII в. при помощи *ñz* передавался звук *ñ*. Скорее всего слово *ажэ* стало известно китайцам ранее VIII в. — в 648 г.; в середине VIII в. сношения между обоими государствами прервались, а вскоре после этого *ажэ* объявил себя каганом, т. е. титул его изменился. Если так, то транскрипция *ажэ*, К. *â nziät* должна обозначать звуки *aŋag* или *aŋaŋ* (конечным согласным может

⁴¹ L. Ligeti, *Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise*, «Acta Orientalia», t. I, fasc. 1, 1950, p. 152.

⁴² Там же, стр. 155.

быть также *l* или *t*). Эту форму можно отождествить с тюркским титулом *inäl* или *īnal*⁴³.

Этимологии, предложенные для других кыргызских слов, известных нам из китайских источников, неубедительны.

Сведений о языке кыргызов до эпохи Тан у нас нет. Существует предположение, что первоначально кыргызы говорили не на тюркском, а на каком-то другом языке, но оно основано только на косвенных (не лингвистических) данных.

Итак, киргизы (кыргызы) впервые упоминаются в китайских исторических сочинениях под названием (1) *гэгунь*, (2) *гяньгунь*; позднее они называются (4) *гегу* и (6) *хягясы*. Все эти транскрипции отражают одну и ту же исходную форму и рассматриваются китайскими историками как равнозначные. Кыргызы эпохи Тан описываются как довольно большой (судя по размерам армии, превосходившей по численности войска уйгуров и киданей) народ, говоривший на языке тюркской семьи.

THE EARLIEST CASES OF MENTION OF THE ETHNONYM «KIRGHIZ»

The earliest known records of the ethnonym «*Kirghiz*» in alphabetical writing are the Greek and the Runic Turkish. It occurs still earlier in Chinese script. The Chinese form *Hsia-chiaszu*, which is dated later than the Greek and the Runic, approaches them most nearly; it appears to denote the sounds *xir gi's*. All earlier Chinese transcriptions of the same word differ from it, among other things, by showing the vowel *u* instead of *i* in the second syllable. The title of the Kirghiz sovereign *A-je* may be identified with the Turkish *inäl*. For correct interpretation of Chinese transcriptions the following should be borne in mind: 1) the Chinese transcribed the Turkish *q* by their own *k*, and the *k* both in Turkish and in Sanskrit words — by the combinations *ki*, *kj*; 2) the sound *a* of other languages was transcribed by the Chinese back *ä* but never by the front *a*; 3) the final oral consonants dropped off if the next syllable began with a consonant of the same region of articulation, but were retained in all other cases; 4) about 700 A. D. substantial changes occurred in Chinese pronunciation; among other changes the voiced and the voiceless consonants began to merge together.

⁴³ Есть сведения, относящиеся к более позднему времени, что киргизский правитель носил титул инал: «Киргизы своего правителя называют Иналь; это слово у них то же, что у Монголов (каан) и Таджиков пашах» («Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова», Казань, 1906, стр. 39). Сводку сведений о слове инал см. в кн.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 95—96. В китайских исторических текстах представлена и другая транскрипция слова *inäl* (в имени Инэль-кагана): (46) *ине*, К. ie niet. Эта транскрипция указывает скорее на исходное *īnal*, так как слоги, начинавшиеся в китайском непосредственно с *i-* или *i-*, передают иноязычные слоги с начальным *j-*, в то время как иноязычные слоги с гласным началом передаются слогами, начинающимися с гортанной смычки *-*, как в слоге *ажэ*) и реже с *γ-*.